

Андрей Нарратив

**Сказки для
взрослых
Том 1**

Андрей Нарратив

Сказки для взрослых Том 1

«Автор»

2026

Нарратив А.

Сказки для взрослых Том 1 / А. Нарратив — «Автор», 2026

Как мир замирал, время останавливалось, и вы верили, что в этом есть что-то важное. Что-то, что останется с вами навсегда. Мы выросли. Но сказки — они не уходят. Они ждут. Они просто становятся другими. Более тихими. Более глубокими. Более настоящими. В этой книге — пять таких сказок. Они про тех, кто остался незамеченным. Про память, которая живёт дольше нас. Про слова, которые становятся судьбой. Про поступки, которые искупают всё. Про музыку, которая звучала ещё до того, как мы научились говорить. Это не хоррор. Это не фэнтези. Это не детектив. Это — сказки для взрослых. О том, что мы чувствуем, но редко называем вслух. Откройте. Послушайте. Вспомните. Каждая история оставит след. Как тот самый свет из детства, когда вам читали перед сном и вы знали: всё будет хорошо.

© Нарратив А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Жук в янтаре	5
Маленький человек	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Нарратив

Сказки для взрослых Том 1

Жук в янтаре

Слой первый:

Утро пришло золотым лучом.

Он пробил щель в старой черепице, проткнул пыльный воздух чердака и лёг мне прямо на грудь. Тёплый, почти живой. Я чувствую его кожей — которой у меня уже семьсот лет нет.

Паук в углу зашевелился. Он живёт здесь давно, я помню, как он появился крошечной точкой, ткал свою паутину, ловил мошек, вырос, умирал, и снова появлялся — уже другой, но такой же. Пауки не смотрят на меня. А люди смотрят.

Мой друг покинул меня.

Он ушёл туда, куда уходят все люди. Только я не могу. Я остался. Его вещи — книги, бумаги, старая трубка — всё это перенесли на чердак, сложили в углу и забыли. А я упал в щель между досок и лежу здесь теперь.

Сколько прошло? Век? Два? Кто знает. Люди приходят, уходят, тащат на чердак старые кресла, сундуки, разошедшиеся рамы. Иногда берут что-то обратно. А я всё лежу. Никому не нужный, никем не замеченный.

Но я чувствую: скоро меня найдут.

Кто-то придёт. Обязательно.

Я жду.

Меня звали Соломон. Или не Соломон? Стёрлось. В памяти остались только обрывки: рынок в Лахоре, запах шафрана и шёлка, крики погонщиков верблюдов, и собственное имя, которое я повторял, когда надо было подписать договор. Бен Иегуда? Бен Давид? Неважно. Важно, что я был человеком.

Я торговал тканями. Лахорский шёлк ценился в Каире выше золота. Я арендовал две каюты на ганзейской когге — грузное судно, которое должно было доставить меня и мой товар через океан к африканским берегам. План был прост: продать, закупиться пряностями, вернуться и стать богаче. Я был молод, полон надежд и глупой веры в то, что завтра будет таким же, как сегодня.

На корабле был колдун.

Я узнал его не сразу. Он сидел в углу трюма, перебирал какие-то кости, бормотал на языке, которого никто не понимал. Матросы обходили его стороной, но я-то человек деловой — мне что колдун, что плотник, лишь бы не мешал. А он и не мешал. Пока мы не сели играть в нарды.

Я выигрывал. Раз за разом. Он злился, сбрасывал фишки, требовал реванша. К утру он был должен мне целое состояние. А когда я потребовал расплаты, он улыбнулся — криво, страшно, одними уголками губ.

— У меня нет денег, — сказал он. — Но есть кое-что ценнее. Каменья. Пойдём, покажу.

И повёл меня в свой закуток.

Там он достал шкатулку, открыл... и я провалился в темноту.
Очнулся я уже не человеком.

Я был внутри чего-то тёплого, липкого, сжимающегося. Хотел закричать — и не смог. Тело не слушалось. Вместо рук — крошечные лапки, вместо ног — хитиновые сегменты, вместо лица — застывшая маска жука.

Я был фигуркой. Фигуркой жука внутри янтаря, в которой билось человеческое сознание.

Колдун смотрел на меня и смеялся.

— Будешь знать, как обыгрывать потомков великих, — сказал он. — Посидишь в янтаре пару сотен лет, остынешь, может, отпущу.

Он сунул меня в карман и забыл. А через час когга попала в шторм.

Я помню этот миг — когда волна переломила судно пополам. Крики, треск дерева, холодная вода, которая хлынула в трюм. И я, крошечный, беспомощный, падаю на дно, в темноту, в вечность.

Сто пятьдесят лет я пролежал на дне океана.

Это не страшно. Это даже красиво. Течения перекачивали меня по песку, рыбы подплывали, разглядывали, уплывали. Вода и песок шлифовали янтарь, делали его гладким, прозрачным, идеальным. Я смотрел на подводный мир и учился дышать по-новому — не лёгкими, а глазами.

Там, в глубине, я понял, что такое свобода. Не та, когда можешь идти куда хочешь, а та, когда принимаешь то, что есть. Я стал частью океана. Я видел, как рождаются кораллы, как охотятся акулы, как умирают киты и становятся домом для тысяч существ. Я был везде и нигде.

А потом меня нашёл ловец жемчуга.

Он нырнул глубоко, увидел мой блеск на дне, схватил и вынырнул. Помню его глаза — чёрные, усталые, полные надежды. Он долго смотрел на меня, вертел в руках, и я вдруг понял: я вижу его мысли.

Не слышу — вижу. Картинками, чувствами, обрывками. Голодные дети, больная жена, ветхая хижина, долги. Он хочет меня продать. Он не хочет, но должен.

Я не обиделся. Я понял.

С тех пор я переходил из рук в руки. Пятьсот лет я путешествовал по миру, запертый в прозрачной капсуле, и каждый, кто брал меня в руки, замирал, глядя в мои глаза. А я в эти секунды читал их — всю их жизнь, всю боль, всю любовь, все тайны.

Я видел, как солдат Наполеона, державший меня в окопе под Москвой, вспоминал невесту, оставшуюся в Лионе, и плакал, думая, что никто не видит. Я видел купца в Стамбуле, который продал меня за бесценок, потому что ему было стыдно перед сыном за какой-то давний грех. Я видел девочку в Париже, которая шептала мне свои секреты и верила, что я живой. Она была права.

Я живой. Просто по-другому.

А потом был тот вечер.

Зима. Улицы европейского города, названия которого я уже не помню. Мороз щипал носы прохожим, снег хрустел под ногами, и фонари горели тускло-жёлтым. Меня нёс в кармане коллекционер — пожилой господин в тяжёлом пальто, который купил меня у антиквара. Он любил древности, но не любил людей. Я это сразу прочитал: запертое сердце, холодный ум, никакой семьи. Он нёс меня домой, чтобы поставить на полку и забыть.

Но у дома, в подворотне, сидела девочка.

Ей было лет семь, не больше. Худенькая, в рваном платье не по погоде, с обмороженными пальцами. В руках она сжимала коробок спичек — последнее, что у неё было. Коллекционер наклонился, хотел дать ей монету, но в карманах оказалось пусто. Только я.

Он посмотрел на меня, потом на неё. Девочка была так хрупка и так несчастна, что он, сам не зная зачем, достал меня и протянул ей. В надежде, что она или её родители смогут обменять меня на кусок хлеба.

Она взяла. Посмотрела на меня мутными, уже замерзающими глазами. И я понял: домой она не вернётся. У неё просто нет на это сил.

Она села прямо в снег, прислонилась к стене. Чиркнула спичкой — последней, наверное. И в свете этого крошечного огонька посмотрела на меня.

Я увидел её.

Всю.

Её звали Анна. У неё была бабушка, которая умерла прошлой зимой. Был отец, который пил и бил. Была мать, которая просто устала и ушла. Была мечта — увидеть тёплое море, то самое, о котором рассказывала бабушка. Она никогда не видела моря. Никогда не ела досыта. Никогда не знала, что такое, когда тебя обнимают просто так.

И я отдал ей всё, что у меня было.

Все свои семьсот лет. Все свои миры. Всех людей, которых я видел, все их тайны, всю их боль и всю их любовь. Я открыл перед ней Индию — не ту, что в книжках, а настоящую, с запахом шафрана и криками погонщиков. Я показал ей океан — тот самый, по дну которого меня таскало полтора века, с коралловыми садами и танцующими рыбами. Я подарил ей восточные базары, где шелка переливаются на солнце, и звёзды над пустыней, и лица людей, которые смотрели в мои глаза и плакали.

Она всё это увидела.

В последнюю секунду своей жизни.

И улыбнулась.

Пар перестал идти из её рта. Снежинки ложились на открытые глаза и не таяли. Я выпал из её ослабевших пальцев прямо в снег и тоже смотрел в небо. Мы лежали рядом — маленькая девочка и маленький жук — и снег укрывал нас, как одеяло.

Утром её забрали. Люди в чёрном, молчаливые, деловитые. А меня втоптали в снег, в грязь, в ледяную кашу. И я снова лежал на дне — теперь не океана, а городской улицы, под ногами прохожих, которые шли по своим делам и не знали, что под их каблуками бьётся сердце, помнящее семь веков.

Весной, когда солнце согрело землю и побежали первые ручейки, меня нашёл мальчишка. Лет десяти, в деревянных башмаках, с разбитой губой и веснушчатым носом. Он подобрал меня, отмыл в луже, долго разглядывал. А потом отнёс к лавочнику и обменял на сломанную фарфоровую куколку — для сестры.

Лавочник долго вертел меня в руках, приценивался, сомневался. А потом пришёл ОН.

Писатель.

Я узнал его сразу. Не лицо — душу. В ней было столько же одиночества, сколько во мне. Столько же вопросов без ответов. Столько же желания просто быть услышанным.

Он купил меня за несколько медяков, сунул в карман и унёс в свою мансарду.

С тех пор мы коротали вечера у камина. Он садился в кресло, ставил меня на стол, зажигал свечу и смотрел. А я шептал ему в мысли свои истории — всех, кого встречал за эти семьсот лет. Всех, кто смотрел в мои глаза и открывал мне душу. И он записывал.

А потом он ушёл.

Туда, куда уходят все. Только я не могу.

Его вещи принесли на чердак. А я упал в щель между досок.

И лежу здесь теперь.

Сколько прошло? Век? Два? Кто знает.

Слой второй.

Там, где я.

Суета сует, сказал Екклезиаст. Всё суета.

Я видел империи, которые рассыпались в пыль. Я видел людей, которые думали, что они боги, а умирали, как все. Я видел любовь, которая длилась мгновение, и ненависть, которая тянулась веками. И всё это проходило перед моими глазами — застывшими, янтарными, но такими зрячими.

Было ли всё это? Было.

И снова будет.

Потому что человек не меняется. Он так же боится одиночества, так же ищет тепла, так же смотрит в глаза маленькому жуку в янтаре и надеется, что его кто-то услышит. А я слышу. Всегда.

Иногда я вспоминаю ту девочку. Анну. Ту самую, из сказки, которую все знают. Я не хочу рассказывать её историю заново — вы и так её помните. Каждый по-своему. Каждый с той болью, которая поселилась в сердце, когда вы впервые услышали эту историю в детстве.

Я просто был там. Я видел её улыбку.

И этого достаточно.

Сейчас я лежу в щели между досок старого чердака. Наверху паук плетёт свою бесконечную паутину. Пыль танцует в солнечном луче. Люди приходят и уходят, тащат старые вещи, но меня не замечают.

Я жду.

Я чувствую: скоро меня найдут. Кто-то придёт — может быть, такой же одинокий, как тот писатель. Или такой же чистый, как та девочка. Или просто любопытный. Неважно.

Важно, что я здесь.

Я есть.

Я был.

И буду.

Всегда.

Солнечный луч дополз до моей щели. Стало тепло. Паук замер в центре паутины, будто тоже ждёт.

Где-то внизу скрипнула дверь.

Кто-то поднимается по лестнице.

Слой третий.

Легенда о Гелиадах

Был у бога солнца сын. Звали его Фаэтон — «сияющий». Он рос в золотой пыли, но люди шептали: «Твой отец не бог, твоя мать — нимфа, ты никто».

И тогда мальчик пошёл к отцу — богу солнца — требовать правды.

Гелиос поклялся рекой Стикс, что выполнит любую просьбу сына. И Фаэтон попросил колесницу. Всего на один день. Прокатиться по небу, как бог.

Старый бог молил: «Остановись, там крутой подъём, там пропасть, там чудовища». Но гордый мальчик не слушал. Он вскочил на колесницу, и огненные кони понесли. Понесли так, что земля обожглась, реки вскипели, моря застонали.

Зевс бросил молнию. Фаэтон упал. Тело его поглотила река Эридан. Душа ушла в тень, а свет его имени остался только в памяти.

И тогда на берег пришли три сестры. Гелиады. Девушки с длинными волосами и пустыми глазами. Они сели на камни и заплакали. Они плакали день. Плакали неделю. Плакали, пока их ноги не стали корнями, руки — ветвями, а лица скрылись под корой. Боги превратили их в тополя.

Но даже став деревьями, они продолжали плакать. Их слёзы падали в реку, застывали и становились янтарём. Прозрачным, как небо, в котором погиб брат. Тёплым, как его улыбка.

Говорят, если приложить такой камень к уху, можно услышать шёпот: «Мы бы так любили тебя, брат».

Вот такую легенду о янтаре рассказал мне Соломон, когда я нашёл его на пыльном чердаке в доме моей бабушки.

Может, и вправду этот янтарь — одна из тех слезинок?

А может, это сам мир плачет от собственного несовершенства?

Соломон впитал сотни жизней. И каждую историю, каждую боль, каждую надежду он хранит в себе. Он — живая память мира, запертая в прозрачной тюрьме.

Дар ли это? Или проклятье?

Соломон думал семьсот лет. Не нашёл ответа.

Теперь и я думаю. И тоже не нахожу ответа.

Маленький человек

Слой первый:

Пролог

Степан Петрович жил на пятом этаже хрущёвки, в однокомнатной квартире с окнами во двор. Двор был обычный — качели, скамейки, тополя, с которых по весне летел пух так, что окна приходилось держать закрытыми. Но Степан Петрович держал окна закрытыми всегда, даже летом, потому что сквозняков боялся больше, чем одиночества.

Он работал ночным сторожем в бизнес-центре «Плаза» на окраине города. Ровно в восемь вечера он выходил из подъезда, садился в троллейбус номер пять, ехал сорок минут до остановки «Улица Строителей», затем шёл пешком ещё десять — и к девяти был на месте. В его обязанности входило сидеть в будке у въезда, смотреть на мониторы камер наблюдения и раз в час обходить территорию с фонариком. Платят мало, но на жизнь хватало. А большего ему и не надо.

— Я маленький человек, меня легко не заметить, — говорил он иногда сам себе, когда в троллейбусе кто-то толкал его и не извинялся.

Эту фразу он повторял так часто, что она стала частью его существа, как родинка на шее или привычка чесать переносицу перед сном. Он не женился — куда такому, как я, ни зарплаты толком, ни перспектив. Детей он не завёл — кому нужен отец, который вечно ночью работает. Друзей не было — так, знакомые по работе, с которыми перекинешься парой слов при смене.

Всё, что у него было, — фикус на подоконнике. Большой, разлапистый, в керамическом горшке с узором в виде оливковой ветви. Степан Петрович поливал его по средам и воскресеньям, протирал листья влажной тряпкой и разговаривал с ним. Фикус слушал молча, но Степану Петровичу казалось, что цветок его понимает.

Так и текла жизнь — тихо, незаметно, как вода в старой трубе.

Но однажды вода потекла по-другому.

Это случилось в среду, после смены.

Степан Петрович вернулся домой в половине девятого утра, как обычно. Разделся, повесил куртку в шкаф, пошёл в ванную. Утро он любил за то, что можно никуда не спешить, понежиться в горячей воде, а потом лечь спать под шум просыпающегося города.

Он набрал ванну, бросил щепотку морской соли — баловство, которое позволял себе раз в неделю, — и погрузился в воду. Закрыв глаза. Думал о том, что на работе всё спокойно, что новый охранник, который приходит на подмену, опять опоздал, что фикус пора бы подкормить.

Вылез через полчаса, потянулся к полке за полотенцем.

И замер.

Полотенце, которое всегда висело на крючке, было маленьким. Нет, не так — оно было в два раза меньше, чем обычно. Вместо банного — маленькое, для рук, которое он обычно вешал рядом с раковиной.

Степан Петрович моргнул. Протёр глаза. Полотенце висело на месте, но было определённно не тем. Он снял его, развернул. Точно, для рук. А где же банное?

Он заглянул под раковину, открыл шкафчик, перерыл все полки. Банного полотенца не было.

— Чушь какая-то, — пробормотал он.

Вытерся маленьким, кое-как. Пошёл на кухню ставить чайник. Настроение испортилось.

Вечером, перед сменой, он снова зашёл в ванную. Банное полотенце висело на крючке. Обычное, большое, махровое. Степан Петрович потрогал его. Мягкое, влажное после утреннего душа? Нет, сухое.

Он посмотрел на маленькое полотенце — оно висело рядом, на своём месте.

— Галлюцинации? — спросил он у фикуса.

Фигус промолчал.

Степан Петрович решил не забивать голову. Подумаешь, перепутал. С усталости бывает.

Через два дня, в пятницу, случилось снова.

Он чистил зубы перед сном (вернее, перед утром — он ложился в десять, потому что вечером на смену). Выдавил пасту на щётку, поднёс ко рту — и увидел, что тюбик в его руке маленький. Детского размера. Степан Петрович уставился на тюбик. Такого у него отродясь не было. Он всегда покусывал тюбики обычного размера.

— Что за чертовщина? — сказал он вслух.

— Надо меньше пить кофе на ночь, — решил Степан Петрович и выбросил детский тюбик в мусорное ведро.

Но в понедельник история повторилась. Теперь уже с тапками.

Он встал с кровати, сунул ноги в тапки — и понял, что они ему малы. Он посмотрел на них: те же тапки, серые, войлочные, но какие-то... уменьшенные. Пальцы упирались в край.

Он снял их, поставил рядом. Обычные тапки, нормального размера. Сунул ноги снова — нормально.

— Степан, ты сходишь с ума, — сказал он себе. — Или это фикус шутит.

Фигус стоял на подоконнике и не шутил.

Так продолжалось неделю.

Каждый раз, когда Степан Петрович замечал странность — уменьшившееся полотенце, детский тюбик, маленькие тапки, крошечную кружку, из которой он пил кофе, — это происходило вечером. Утром всё возвращалось в норму. Он решил, что у него проблемы с головой, и даже собрался к врачу. Но работа, как всегда, была важнее.

В субботу у него был выходной. Настоящий, человеческий выходной — он не работал ни в ночь с пятницы на субботу, ни с субботы на воскресенье. Впервые за месяц он проснулся днём.

Солнце светило в окна. За окном орали дети, лаяли собаки, где-то играла музыка. Обычный субботний день.

Степан Петрович встал, потянулся, пошёл в ванную. Полотенце висело обычное. Тюбик был синий, мятный. Тапки сидели как влитые.

— Ну вот, — сказал он. — А ты боялся.

Сварил кофе, сел на кухне, смотрел в окно. Фигус стоял на подоконнике, тянул листья к солнцу.

— Хороший день, — сказал Степан Петрович. — Может, выйду прогуляюсь.

Он давно не гулял просто так. Обычно — только на работу и с работы. А тут солнце, тепло, выходной.

Он оделся, вышел на лестничную клетку. Закрыл дверь, повернулся к лифту — и замер.

Перила на лестнице были на уровне его глаз. Он подошёл, потрогал. Обычные перила, деревянные, крашенные. Но они стали выше, хотя раньше доходили ему до пояса.

— Странно, — пробормотал он.

Посмотрел на ступеньки. Они казались шире, чем обычно. Он сделал шаг вниз — пришлось шире делать шаги. Ещё шаг. Ещё.

Дошёл до первого этажа. Дверь в подъезд была огромной. Ручка — на уровне его глаз. Он потянул — дверь показалась тяжелой.

Вышел на улицу.

Солнце ударило в глаза так, что он зажмурился. Стоял, шурился, привыкал к свету. Шум города накатывал волнами — машины, голоса, птицы.

И вдруг — толчок. Сильный, в плечо. Он потерял равновесие, взмахнул руками, начал падать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.